

Дмитрий
Новиков

ГОЛОМЯНОЕ ПЛАМЯ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Н 73

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-32542-5

© Д. Г. Новиков, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Я очень рад был редкой книге, подаренной на днях моим знакомым Гришей, имевшим внешность русского богатыря — высокий рост, рыжие кудри, окладистая борода. Гриша работал врачом-реаниматологом в детской больнице. А еще он сочинял и пел пронзительные, заразные песни, от которых увлажнялись глаза даже у суровых северных мужчин. Книгу эту он принес мне в благодарность за несколько подсказанных маршрутов по берегам Белого моря, куда он хотел съездить полечить душу, по его выражению.

Тяжелый темно-синий том был приятен рукам и глазу. Золотом тисненное название тоже радовало. «Словарь живого поморского языка». Вообще, я люблю словари. Из них можно много нового узнать, не то что из каких-нибудь романов. Опять же, история создателя его, Ивана Дурова, привлекла меня. Уроженец древнего поморского села Сумской Посад, он был самоучкой. Увлечся изучением поморской говóри, стал собирать пословицы, обряды, поговорки. Занимался этим

ДМИТРИЙ НОВИКОВ

пять лет, собрал словарь, отослал в Академию наук. И через несколько лет был расстрелян в карельском местечке Сандармох, что близ Беломорканала, по «делу краеведов». Рукопись восемьдесят лет пролежала в архивах и только недавно была найдена и издана. Ценный подарок.

Гриша много и восторженно рассказывал о походах по подсказанным мною местам. «Доброй ты целовек», — благодарил он, наслушавшись поморской речи. Живописал Белое море, северные реки, поля можжевельника.

А мне тогда вспомнились слова моей карельской бабки. «Можжевела — дерево смерти», — она говорила...

1975, п. Пряжа

Самое страшное было — смотреть на него сзади, когда спина голая. Рука, лопатка, плечо — три дыры. Затянувшиеся, зажившие, но не шрамы, а дыры. Гриша спрашивать боялся, а сам дед никогда не рассказывал. Но и так было ясно, что автомат, и что в спину, и что выжить было нереально. Дед выжил. Только ходил теперь медленно и страшно кашлял по ночам. Так громко и хрипло, будто рассерженный, умирающий лев где-нибудь в африканской темноте, и Гриша часто просыпался, и спине было зябко и ежко — так и лежал целую вечность, не смея пошевелинуться и затаив дыхание. Потом дед замолкал, тогда потихоньку засыпал и Гриша, кутая нос в бабушкино одеяло.

Пахло оно непривычно и терпко. Вообще весь дом пропитан был запахами какой-то другой, забытой жизни — быстро кидающимися в нос, чуть только войдешь с улицы, и заставляющими невольно задумываться, вспоминать — что́ значит каждый. Вот этот, теплый, сухой, немного пыльный, известчатый, — русская печка. Не под ее —

откуда всегда тянуло вкусной едой — блины ли, уха или жареная картошка, а верх, который так и назывался — «напечь». «Не лазьте напечь», — бабушка не ругалась, а так, на всякий случай говорила, чтобы кто-нибудь из многочисленной детворы мал мала не сверзился оттуда. Гриша был самым старшим из этой мелюзги и потому ответственным за всех. «Напечь» была застелена старыми желтыми газетами, поверх них лежали какие-то шкуры. Одна, он точно знал, — дикого кабана, с длинным жестким ворсом и желтой пряной мездрой. Шкурой можно было пугать младших, когда те, не зная удержу, оголтело бесились часы напролет. Другие — мирные домашние овчины, мягкие и какие-то беззащитные. Все это — теплая печь, крашенная белой сыпучей известкой, старые газеты, дикий кабан, послушные овцы — переплеталось, накладывалось друг на друга и давало тот запах деревенского дома, который навсегда застрял в носу, и стоило через много лет вспомнить о детстве — он сразу явственно возникал, щемящий и сложный.

Печь была бабушкой. С запахом, с теплотой, со вкусом еды, которая постоянно томила в теплом чреве ее, в огромных черных чугунах, — неземная тайна была в их появлении из яростной, багровой преисподней — их ухватывали рогами ухватами. С крепким и тягуче-сладким, через каждый час, чаем из темного, закопченного чайника, который позже сменился блестящим, элек-

трическим — и чаепития еще участились. Черный хлеб, политый постным маслом и посыпанный крупной солью, белый батон с сахарным песком — эти яства тоже были бабушкой.

Дедом был чулан. Небольшой, темный, сразу налево после входа в дом, напротив кухни. Даже не чулан, а большой шкаф, завешенный тряпичной занавеской. Там стояли ружья. Туда Гриша забирался один, не пуская никого из малышни, и долго сидел в темноте, трогая холодный металл стволов и гладкое дерево прикладов. Они тоже пахли, ружья. Пахли опасно и тревожно. И зовуще, с какой-то мужественной ласковостью, с какой-то конечной ответственностью. Гриша сразу ощущал себя много старше, когда осторожно взводил курок, медленно потом нажимал на спуск. Боек сухо щелкал, и если в доме был кто из взрослых, особенно дед или дядья, то сразу начинали ругаться, говорить, чтоб не баловался. Еще в шкафу висела лесная одежда. Запах ее был похож на запах кабаньей шкуры, такой же дикий, но с металлической, искусственной отдушкой. И сразу выстраивалось родство их — одежды, ружей, шкуры кабана. Сразу становилось понятно, как и зачем все было — опасность, настороженность, азарт, выстрел, короткий взвизг, сучение ног, длинный нож в руках. Сухие листья под телом. Горячая кровь, которую жадно пьет осенняя земля. Чулан был дедом. Еще в нем висела шинель.

Вообще, в доме было много военного. Фотографии в альбоме, где дед — бравый лейтенант в кителе, с боевыми орденами. Гриша тогда уже знал, что Красная Звезда и Боевое Красное Знамя — ордена настоящие, заслуженные. Гордые. Они лежали в красных коробочках в верхнем ящике комода, и Гриша часто тайком доставал их и гладил пальцами лаковую поверхность. Особенно нравилось ему, что крепились они к одежде не игольчатой застежкой, как какие-нибудь несерьезные значки, а уверенной, мощной закруткой, чтоб если и вырвать, то только с большим куском одежды и сердца. Дед никогда не рассказывал про войну, не разрешал играть с орденами. Он не ругался, но умел так посмотреть, что сразу холодел затылок и хотелось быть послушным. Еще во втором ящике комода, запертом на ключ, хранились патроны. Иногда ему разрешали смотреть, как дед с дядьями собираются на охоту. Тогда они доставали из этого ящика восхитительные гильзы, блестящие драгоценные капсюли, дробь разных номеров, смешные пыжи, раскладывали все это на полу, на аккуратно расстеленной газете, садились рядом и начинали понятное, но вместе с тем таинственное дело. Забивали капсюли в гильзы, сыпали порох, потом вставляли тонкую картонную прокладку, плотно забивали толстый пыж, после закладывали дробь. Вставляли еще одну прокладку, завальцовывали гильзу. Иногда вместо дроби в гильзу помещалась пуля, часто по-смешному

круглая, реже — опасная, с острым носиком. Так у них ловко и быстро все получалось, что Гриша налюбоваться не мог. Все это они делали по очереди, каждый свое, и весь процесс сливался в четкую, простую гармонию ружейной радости. Руки сами тянулись помочь, но ему лишь позволяли поиграть с дробью да редко перепадала закатившаяся в щель пуля. Еще были шомпола со щеточками, и взрослые чистили стволы своих ружей, смазывали их темным маслом, заглядывали внутрь на просвет и удовлетворенно откладывали в сторону. Во всем этом виден был строгий обычай, ритуал, и главным здесь опять был дед. Бывало, что кто-нибудь из дядьев выбивался из отлаженного ритма, отвлекался, неловко шевелил пальцами, тогда дед не боялся взрослых огромных мужиков подгонять увесистыми подзатыльниками. Было шутливо — улыбались, всерьез — не смели слова в ответ сказать, лишь головы наклоняли ниже да сопели старательней.

Отец Гришин никогда не притрагивался к оружию и припасам. Говорил, что жалеет животных. Он был самым старшим из сыновей и рано уехал жить в город. Сидел, наблюдал за ловкими пальцами братьев и деда, но не брал в руки ничего из волнующих, заманчивых предметов. Дед посматривал на него с непонятной усмешкой, словно знал что-то такое, чего другим не узнать ни с возрастом, ни с мирным опытом. Мирный опыт — опыт жизни. Дед знал другое.

Отец тоже помнил. Младшие сестры и братья — нет.

Фамилия бабушки до замужества была Власова. Обычная фамилия, полдеревни было таких. Это потом век расставил все по местам, и стали одни почитаемы, Ульяновы какие-нибудь, другие сделались врагами. А как разобраться, как понять, что даже свежее веяние может нести в себе гнилые пороки. Законам человеческим тысячелетия срок, а быстрое счастье для всех настолько скоро превращается в страшную противоположность свою, что жизни человеческой может хватить, чтобы увидеть все стадии сладостного процесса — от задора молодых до тупого отчаянья старых. В середине же — злая воля зрелых, еще уверенных, но уже бесстыжих. Это назовется бесовским словом «диалектика», но как понять его без опыта и Бога? А понимать нужно было всем. Нужно было и Гришиному деду.

Думать тяжело — это Гриша тоже понял, когда повзрослел. А в юности, в молодости — куда как просто, есть чувственность и злость, и злое зрение отважно указывает на врагов. Их много, привыкшие к оружию руки знают это.

Были крик и детский плач. Дед был не дед, а молодой герой. Израненный и жесткий. Когда вдруг что-то возразила бабка, не бабка тоже, а мать и молодая некрасивая жена, уже родившая к тому времени пятерых. Возразила, а может, покарельски что сказала. Он запрещал ей — мы ин-

тернационалисты по воле нужд советских. Когда возразила непослушно или на языке непонятном сказала что, может, ругнулась на святое, поплыло все перед глазами от бешенства. От ярости запрыгал пульс аорты. Все вспомнилось — чужие раньше крики, сиротский хлеб, на море шторм и волны, грудь свою о скалы рвущие. Доверие к отцам и командирам. Предательство и три дыры в спине. Все вспомнилось и захлестнуло. И по камням поволокло. Схватил ружье и крикнул этой стерве — пошла на огород, вражина. Ревмя орала дети, ублюдки, выродки, враги. Чужого корня стебли. Не русского. Почти что финны.

— Пошла быстрее, расстреливать буду, владовцы поганые! — так крикнул, уши заложило у самого. Замолкли дети, испугались сильно. Лишь старший носом шмыгал незаметно, чуть дыша. Она стояла на земле, на пашне. Босая. На руках — двое маленьких. Двое средних прижались к ногам. Первенец чуть в стороне. Все стояли и глядели на него. Молча. Ружье плясало в руках. Ненависть плясала в голове. Полностью заполнив ее. Вытеснив все остальное. Потом пошел дождь. Крупные капли стали падать на землю, на белые головы, на грязные ноги. Там, где падала капля, он ясно видел — исчезала земная грязь и ярким розовым кружком на ногах начинала светиться живая кожа. Детская и взрослая. Родная.

Холодные ручьи потекли по лицу, по плечам, за шиворот. Он задрожал и бросил в грязь ружье.

До крохотной песчины вдруг сжалась ненависть в голове, и та загудела, как старый колокол. Он повернулся, шатаясь, побежал в дом. Следом за ним рванулся старший: «Папка, не плачь!»

Дом стоял на невысоком косогоре, над речкой. Вообще это была даже не речка, а ручей, сильно заросший ивняком, осокой, весело журчащий меж камней и среди корней деревьев, порой полностью ими скрытый. Перепрыгивая с одного большого камня на другой, его можно было пересечь полностью. Мешал страх. Чуть из вида скрывался за тонкими стволами ближний к дому берег, как настоящие джунгли обступали Гришу со всех сторон. Смолкали крики птиц. Лишь таинственно шелестела ива своими узкими листьями, и шелест этот был тоже какой-то узкий и опасный. Страх вместе с неодолимой силой, заставлявшей двигаться дальше и дальше, делал чары ручья пряными и чистыми, словно запах отмерзшей земли. Да он и пах так, ручей, — влажной землей с корней деревьев и кустов, журчащей светлой водой, мокрым мхом камней. Гриша часами мог наблюдать за его жизнью. Следил за юркими мальками в стройных струях, искал ручейников в их домах-палочках, влюблялся в прекрасных лягушек, смыслено снующих повсюду. Один раз ручей подарил ему настоящего зверя. Мальчик тогда сделал всего несколько прыжков по камням, еще знакомым его ногам (дальше лежали незнакомые и опасные, падением в воду пугающие),

и увидел зверя. Небольшой, темно-коричневый, с острой мордочкой и круглыми ушами. Он был совсем рядом, в двух метрах. Гриша замер. Зверь недовольно ощерился и фыркнул. Укололи взгляд белые иглы зубов. Рядом на камне лежала растерзанная птица. Вернее, и птицы уже никакой не было, веер перьев и несколько капель крови на шершавой серой поверхности дикой столешницы. Секунду зверь стоял, прикидывая силы, затем повернулся и текуче, беззвучно исчез в высокой траве. Лишь длинный хвост змеей скользнул за ним. Так странно это было — страшно и притягательно, навязчиво и сильно. Словно и сам Гриша был немного этим зверем, словно сам он скользил сквозь траву и наслаждался добычей. Словно сам он сладко убивал. Гриша начал дышать через минуту. Еще через одну повернулся и на дрожащих ногах попрыгал до знакомого берега. Промчался мимо дедовой бани. Набирая скорость, пронесся по сладко пружинящим доскам, проложенным через болотистую полянку к дому. Влетел туда и закричал отцу: «Зверь, зверь! Видел! Коричневый! Ел птицу!»

«Наверное, норка, — равнодушно сказал отец. — Со зверофермы сбежала».

Баня стояла на самом берегу ручья, шаг — и вода. Чуть подальше, меж двух камней, была глубокая, по грудь взрослого, протока, куда после парилки можно было прыгать, утробно хохоча. Вообще, суббота, банный день, была праздником.

Баню топили с утра. Грише разрешали следить за огнем, и он, гордый своей взрослой обязанностью, таскал дрова, подкладывал их в шумящую печь, потом закрывал тяжелую чугунную дверцу и внимательно следил, чтобы ни один уголек, не дай бог, не вывалился из раскаленного зева. Следить было тяжело, жарко, позже — почти невозможно, он часто выскакивал на берег ручья и жадно, глубоко дышал вдвойне вкусным после жара воздухом, словно глупая рыба, попавшаяся на крючок и решившая напоследок надышаться вволю. Иногда к нему приходила бабушка — посмотреть, как он справляется. Гладила по голове со своим извечным: «А-вой-вой, совсем ребенка замучили», совала в руку кусок сахара. Хорошо было, когда сахар был каменный, твердый, еле сощийся. Гораздо хуже, когда прессованный рафинад, он мгновенно растворялся во рту, оставляя вкус неудовлетворенности и скоротечности.

К обеду начинали подходить родственники, дядя и тетки с семьями. В доме, а особенно во дворе становилось шумно, начинала бегать обрадованная встречей детвора. Гриша, гордый своим делом, смотрел на малышню снисходительно. Лишь когда приходил Серега, он позволял себе расслабиться, потому что тот сразу принимался помогать. Сереге было столько же лет, как Грише, но отец объяснил, что тот ему приходится двоюродным дядей. Гришу это неприятно удивило, но дядя ничуть не заносился. Они стали дружить.

Он был странный, Серега. Какой-то слишком добрый. Всепрощающий. Как-то мчался вприпрыжку через поляну между баней и домом. И хищно налетел на него пасшийся невдалеке баран. Два раза поддал в спину крутолобою башкой, затем прижал к забору и держал. Серега слабыми ладошками пытался оттолкнуть его голову, но тот лишь напористо мотал ею, все крепче прижимая к доскам, под ребра. Серега уже начал тяжело дышать, но, когда Гриша схватил толстую палку, закричал:

— Не надо, ему будет больно!

Так и стояли в опасном прижиме, пока барану не надоела слабость жертвы и он не ушел сам. А после не было у Сереги мысли хотя бы камнем издали обидеть наглеца.

Еще он очень любил птиц. Часами мог смотреть, как парит в воздухе, в высоком синем воздухе большая птица, на расстоянии становившаяся маленькой птахой. Днями возился с голубями, таскал их за пазухой, шептался с ними. Таких, как он, легко принимает алкоголь. Они не имеют сил сопротивляться его мощному, стремительному течению. Лет через двадцать, после месячного слезливого запоя, он повесился на бельевой веревке, и на его могиле всегда были крошки хлеба, крестики-следы и легкий птичий пух, запутавшийся в высокой, бестолковой траве.

Париться начинали за пару часов до ужина. Сначала в баню шли женщины. Возглавляла их

вереницу всегда бабушка, и было смешно смотреть, как она, важно, по-утиному переваливаясь с ноги на ногу, ведет за собой стайку присмиривших молодых. «А-вой-вой, натопили как, нельзя зайти», — доносился из бани ее радостный голос, и Гриша с Серегой довольно переглядывались — это была похвала им.

Женщины парились недолго, по первому пару было тяжело. Уже через час они в таком же порядке возвращались в дом. Головы их, обмотанные мокрыми полотенцами, покрасневшие лица, плавные, томные движения были наполнены какими-то редкими, даже странными неторопливостью и спокойствием. Какой-то мудростью и отрешенностью. Какой-то стойкой покорностью. Это было недолго. Едва войдя в дом, они начинали суетиться, бегать, готовить ужин. Бабушка командовала, но не напористо, жестко, а мягко и с юмором. Тут и там доносилось ее жалобное «а-вой-вой», одновременно жалевшее и подгонявшее нерасторопных неумех.

Мужики шли, когда баня уже сама была как печь. Неистово-красный жар раскаленных углей таился в кирпичной глубине, тихо и опасно вздыхая. Закрывали вьюшку. Становилось невозможно дышать. Невозможно жить. Мутилось в голове, и хотелось выскочить на волю. Подгибались ноги, и казалось, что наступил тот край, за который — только лежа. Но дед или отец легонько подталкивал Гришу, заставляя залезть на полоч.

Доски были горячи до солоности во рту. Сидеть невозможно, казалось — ягодицы сейчас заискрятся и вспыхнут тяжелым, влажным пламенем. Гриша подкладывал под себя кисти рук — ладони терпели лучше. Только он потихоньку устраивался, только начинал оживать и оглядываться, как дед открывал дверцу каменки и, кивком предупредив остальных, ухал в черный зев полковша кипятку. Внутри раздавался взрыв, и яростный бесцветный пар вырывался наружу, сметая на пути все живое. Уши, ноздри, ногти закусывало раскаленными клещами ослепительной боли, Гриша визжал и пытался удрать, спрыгнув с полка и прорвавшись между взрослых тел. Дед был начеку. Он быстро прихватывал Гришу за предплечье, ловким движением укладывал на живот и начинал хлестать готовым уже, заранее запаренным веником. Гриша кричал и брыкался. Спина горела, было нечем дышать, в голове роились разноцветные шары. «Терпи, сиг, терпи, залётка», — приговаривал дед серьезно, но где-то глубоко слышалась усмешка. Грише казалось, что наступил предел, что кончилась его маленькая жизнь, но дед поддавал еще пару и прорабатывал ему живот, грудь, плечи. Потом отпускал. Гришу подхватывал отец, ставил на пол. Дед брал ведро холодной воды и окатывал внука с головы до ног. Мгновенный острый холод на сиятельный жар, жидкая тяжелая жизнь на раскаленную смерть заставляли Гришу приседать, словно сверху ложилась

ДМИТРИЙ НОВИКОВ

на него благословляющая длань. После этого он, удивляя себя и вызывая смех у других, выпрямлялся на дрожащих ногах и как-то по-взрослому кричал. Дед заворачивал его в простыню и выносил в предбанник. «Что, залетка, хорошо?» — спрашивал и нырял обратно в ад. Гриша сидел, жадно пил воду из большой алюминиевой кружки, слушал крики и секущие удары из бани. В голове было пусто и прекрасно, словно в чистой скорлупе яйца. Тело пело. Душа трепетала внутри.

Спину деда он впервые увидел тоже в бане...

Новиков Д.

Н 73 Голомяное пламя : роман / Дмитрий Новиков. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. ISBN 978-5-389-32542-5

Российский писатель Дмитрий Новиков родился в Петрозаводске, служил на Северном флоте и пишет о родной земле с такой любовью, что его проза прорастает поэзией. Его роман «Голомяное пламя» (шорт-лист «Русского Букера» (2019), премия имени Федора Абрамова «Чистая книга» (2020), Всероссийская премия Арктической литературы имени Маслова (2022)) — это исповедь и признание в любви Русскому Северу, Карелии, Поморью. В романе нет последовательной хронологии, но дышит само Время, его неразделимые пласты, словно воды Белого моря — серебристо-светлые, согретые незаходящим солнцем, и обжигающе-холодные, темные, с которыми страшно соприкоснуться. Здесь сплетаются шестнадцатый век, двадцатый, наше время. Соединяются голоса нескольких рассказчиков, они же герои — святой Варлаам Керетский, составитель «Словаря живого поморского языка» Иван Дуров, врач-реаниматолог детской больницы Григорий, его дед-помор Федор. Воспоминания, нечаянные встречи, чудесные совпадения соединяют их, словно ручейки — отдельные реки. И с тысячами других судеб они сольются в великое море, в котором, как голомяное пламя, отразится небесный свет России.

Серия «Литературный компас России» объединила произведения мастеров русской прозы, запечатлевших самобытные характеры и повседневную жизнь самых разных регионов нашей необъятной страны. Продолжая лучшие традиции отечественной классики, эти книги знакомят нас с культурно-историческими и природными ландшафтами России и помогают осмыслить место человека в меняющемся мире.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ДМИТРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ НОВИКОВ
ГОЛОМЯНОЕ ПЛАМЯ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ольга Попова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.04.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-LMR-41849-01-R